

М. Хайдеггер и Данте: сказание о языке

В статье рассматривается поэтическая концепция языка М. Хайдеггера, отразившаяся не только в теории, но и в стиле работ основателя экзистенциализма. На ее основе раскрывается герменевтический потенциал художественно-поэтических ассоциаций к центральному концепту его философии – «брошенность-в-мир».

Ключевые слова: язык; речь; бытие; экзистенция; сказание

Anna Shipitsyna

M. Heidegger and Dante: The Legend of Language

The article examines the poetic concept of the language of M. Heidegger, reflected not only in theory but also in the style of writing the works of the founder of existentialism. On this basis, we consider the hermeneutic potential of artistic and poetic associations to the central concept of his philosophy – “being-thrown-into-the-world”.

Keywords: language; speech; being; existence; legend

Проблема языка является одной из ключевых в творчестве М. Хайдеггера. Она раскрывается как в раннем и центральном произведении его философии – книге «Бытие и время» (1926–1929), так и в поздних послевоенных работах: «Письмо о гуманизме» (1946), «...Поэтически жительствоует человек...» (1951), «Тождество и различие» (1957), «Путь к языку» (1959), «Отсутствие священных имен» (1974). Хайдеггер исследовал метафизический потенциал

искусства, прежде всего живописи и поэзии, об этом свидетельствуют работы «Исток художественного творения» (1935/36), циклы статей о поэтах и поэзии (Гёльдерлине, Рильке, Тракле). В 1941 г. он написал ряд текстов под общим названием «Winke» («Намеки»), находящихся на грани философии и поэзии. Можно было бы назвать эти тексты метафизической лирикой, если бы сам автор не предостерег от подобного прочтения: «„Намеки“ не являются поэтическими произведениями. Также они не „философия“, преобразованная рифмой и стихом. „Намеки“ суть слова мышления в той мере, в какой оно нуждается в этом высказывании, однако не исполняется в нем. Такое мышление не задерживается в сущем, потому что оно мыслит бытие» [цит. по: 4, с. 9]. Интерес Хайдеггера к искусству наложил особый отпечаток на стиль его философского языка. Поэтико-метафорические концепты, переведенные на русский язык в виде многосложных конструкций, заслуженно привлекают внимание исследователей. В данной статье предполагается заявить о герменевтическом потенциале художественно-поэтических ассоциаций, возникающих при прочтении философских текстов основоположника экзистенциализма.

На формирование философии языка Хайдеггера ощутимое влияние оказали Аристотель и В. Гумбольдт. Мысль Аристотеля о языке как «указывающем знаке», «уподобительном изображении» [цит. по: 8, с. 261] становится первой значимой для философии Хайдеггера идеей. Он использует в текстах термин *zeigen* ('указание, показ бытия') вместо *zeichen* ('знак'). Также отдает предпочтение глаголу «с-казать» и объясняет свой выбор: «С-казать – значит показать, обь-явить, дать видеть, слышать. <...> Сказать и говорить – не одно и то же. Человек может говорить; говорит без конца, но так ничего и не сказал. Другой, наоборот, молчит, он не говорит, но именно тем, что не говорит, может сказать многое» [8, с. 265]. Основная функция речи, по Хайдеггеру, – «приведение к очевидности»: она позволяет «делать очевидным то, о чем „речь“ в речи», «дает чему-то видеться» [7, с. 32]. По этому поводу один из исследователей высказался весьма точно: «Преодоление метафизики для Хайдеггера основано на изменении нашего отношения

к языку с тем, чтобы рассматривать слово изначально не как знак, отсылающий нас к иному, но как указание, приглашающее вещи к присутствию и приветствующее их, подобно тому, как „солдаты Ксенофона, добравшись до высокой вершины, хором приветствовали море“» [2, с. 13].

Вторая ключевая для философии Хайдеггера мысль о языке появляется в ходе знакомства с работами Гумбольдта, для которого язык является порождением, а не порожденным, деятельностью, а не фактом. Язык пребывает в мире не в статичном состоянии, но в постоянстве изменения. Но, в отличие от человека, язык не экзистирует, а скорее бытийствует. По Хайдеггеру, «*sprache spricht*» (‘язык язычит’), а мы «об-речены» вступать «в говор языка» [8, с. 264]. Чем выше способность человека к этой «об-реченности», тем ближе человек к бытию предметов, и наоборот, чем ближе он к предметному миру, тем «об-реченнее» становится. В статье «Гёльдерлин и сущность поэзии» Хайдеггер размышляет о «речевом» призвании человека: «...основа человеческого здесь-бытия поэтическая» [9, с. 17] или, как писал Гёльдерлин, «хотя и исполнен [многих] заслуг человек, все ж поэтически жительствоует он на этой земле» [цит. по: 9, с. 17]. Само по себе «сказывание (*das Sagen*, речь) поэта – это перехват намеков (*die Winke* – знаки, намеки, кивки, указания, советы) богов» [9, с. 21]. Бытие только через человека и с его помощью может стать поименованным, а значит, и понятным, и осмысленным, то есть обрести свое «есть» (существование). Поэт является своеобразным Адамом, первым человеком на земле, узнающим у предметов их тайные имена. Но что может чувствовать Адам, кроме радости и удивления первопроходца? Тревогу и страх! Он ошеломлен «открытостью» мира: «„поэтически жительствовать“ значит... быть потрясенным сущностной близостью вещей» [9, с. 17]. Страх и тревога не вызваны конкретной фактической угрозой человеческой жизни, как то: пожар, наводнение, болезнь, рука убийцы. Источником метафизического страха, который проявляется в модусе «ужаса» (внезапное и незнакомое), является бытие, своим наблюдательным глазом «цепляющее» человека, заставляющее его заглянуть в «открытость бытия», бездну

хаоса непоименованного присутствия. Существование в языке может быть прочным только в ситуации конца истории «встреч», вследствие тотальной названности. Это положение Бога в последний день творения, когда можно отдохнуть от самого творения-именования, но не ситуация Адама, оказавшегося один на один с незнакомым ему миром. Хайдеггер в формуле «язык – дом бытия» [8, с. 192] продолжает цитировать Гёльдерлина: «Человек жительствует в хижинах» [9, с. 10]. Человеческая хижина – язык – это не есть бытие дома, сопровождающееся ощущениями безопасности и спокойствия, уравновешенности и размеренности. Хижина-язык является сомнительным укрытием: стояние в «просвете бытия» перед натиском наступающей «священной ночи» может обернуться полнейшим безумием, потому как «лишь временами может нести полноту божества человек» [9, с. 24]. Этими скорбными размышлениями заканчивает Хайдеггер первую статью о Гёльдерлине, в творчестве которого выразилась вся сущность поэзии, а в судьбе – сущность поэта.

«Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого жилища. Их стража – осуществление открытости бытия, насколько они дают ей слово в своей речи, тем сохраняя ее в языке» [8, с. 192]. Хайдеггер неуклонно следовал по пути сохранения «жилища бытия», щедро обогатив философский лексикон уникальными по своему содержанию и морфолого-синтаксической организации концептами. Пожалуй, самый известный из таких концептов – «брошенность-в-мир», «падение-в-мир». Как отмечает М. Хайдеггер, это не «дурное и прискорбное онтическое свойство», падение не сравнимо с понятиями «греховность» и «падшесть», под ним традиционно понимается захваченность человека миром Других (модой, культурой, устоявшимися в истории традиционными способами жизни и проживания) [8, с. 176]. В дальнейшем Хайдеггер уточнит характер «падения-в-мир» как утрату самоидентичности, или «вихрение»: наше «присутствие втянуто в вихрение несобственности людей»; «этот постоянный отрыв от собственности и все же всегда инсценировка таковой заодно с вырванностью в люди характеризуют

динамику провала как вихрение» [7, с. 179, 178]. Хайдеггер еще раз подчеркивает, что его термин не имеет никакой отрицательной коннотации: «в падении дело идет не о чем другом как об умении-быть-в-мире, хотя и в модусе несобственности» [7, с. 179]. Тем не менее уже Ж.-П. Сартр в пьесе «За закрытыми дверями» описывает невозможность выбраться за рамки мира Других как пребывание в аду. Он вкладывает эту мысль в уста одного из героев пьесы: «Так вот он какой, ад! Никогда бы не подумал... Помните: сера, решетки, жаровня. Чепуха все это. На кой черт жаровня: ад – это Другие» [5, с. 112]. Страшно не только то, что во время нашего «отсутствия» (так герои пьесы называют смерть) мы все становимся «общественным достоянием» [5, с. 107], но то, что наше присутствие также не способно ничего изменить.

Очевидной художественно-поэтической ассоциацией к приведенным философским сюжетам «брошенности» и «вихрения» является путь Данте в ад. Впервые к описанию космологии этого пути обратился П. А. Флоренский: «Итак, припомним путь Данте с Вергилием. Он начинается в Италии. Оба поэта спускаются по кручам воронкообразного ада. Воронка завершается последним наиболее узким кругом владыки преисподней. При этом обоими поэтами сохраняется во все время нисхождения вертикальность – головою к месту схода, т. е. к Италии, и ногами – к центру Земли. Но, когда поэты достигают приблизительно поясицы Люцифера, оба они внезапно переворачиваются, обращаясь ногами к поверхности Земли, откуда они вошли в подземное царство, а головою – в обратную сторону (Ад, песнь XXIII):

По ключьям шерсти (Люцифера) и коре ледяной,
Как с лестницы, спускалась тень Вергилия.
Когда же мы достигли точки той,
Где толща чресл вращает бедр громаду, –
Вождь опрокинулся туда главой
Где он стоял ногами, и по гаду
За шерсть цепляясь, стал всходить в жерло:
Я думал, вновь он возвращался к Аду.

«Держись, мой сын!» – сказал он, тяжело
Переводя свой дух от утомленья:
«Вот путь, которым мы покинем зло».
Тут в щель скалы пролез он, на каменья
Меня ссадил у бездны и в виду
Стал предо мною, полн благословенья.
Я поднял взор и думал, что найду,
Как прежде Диса; но увидел ноги,
Стопами вверх поднятыми во льду.
Как изумился я тогда в тревоге,
Пусть судит чернь, которая не зрит,
Какую грань я миновал в дороге.
«Встань на ноги», заговорил пиит...

(пер. Д. И. Минаева) [6, с. 44–45].

Люцифер располагается в центре Земли, куда был свергнут с небес архангелом Михаилом, с тех пор он восседает на троне и точит Землю изнутри, как червь точит яблоко. Чтобы выйти из одного полушария в другое, нужно перевернуться в центре Земли, что и делают наши путники. Таким образом, метафизика пути Данте в царстве Вельзевула представляет собой хайдеггеровскую «брошенность» (головой вниз) и «вихрение» (хождение по кругам ада). В другом отрывке Данте напрямую говорит о такой геометрии пути:

Я увидал, как мы навстречу к новым
Страданиям, кружась, спускались вниз,
И в бездну я вперил со страхом взоры [1, с. 142].

Еще одна аналогия между философией Хайдеггера и «Божественной комедией» возникает в связи с аксиологической стороной «пути Данте». Проходя по преисподней, Данте встречается с грешниками, обреченными на вечные муки: это язычники, предатели, сластолюбцы, лжецы. Одних бесконечно истязают демоны ада, другие поражены болезнями и ранами; третьи стенают, обжигаемые пламенем, утопленные в собственных слезах, и т. п. Исследователь В. Конев вводит понятие «дантовых координат»

для обозначения этих «встреч», полагая, что они являются «точками отрицания» неподлинного существования человеческой души: «Человек обретает свою определенность (нравственную, культурную, личностную) в поле действия апофатического пространства через отрицание и отказ» [3, с. 98]. Каждый эпизод адовых мук действует катартически и анагогически. Путь Данте – это путь очищения души через со-страдание и страх и путь восхождения в Царствие Божие.

Можно вспомнить, что у Хайдеггера встреча с бытием также сопровождается ужасом (один из модусов страха), мы писали выше, что он вызван наступающей на человека темнотой непоменованного бытия. Но это событие-встреча с бытием также осмысливается апофатически. Хайдеггер пишет: «ужас уединяет присутствие в его наиболее своем бытии-в-мире»; «ужас ставит присутствие перед его освобожденностью для... собственности его бытия как возможности»; «присутствие, которое большей частью из-за общедоступной истолкованности людей остается себе самому в его собственности скрыто, в этом основоположении становится в исходном смысле способно к разомкнутости» [7, с. 187, 188, 190]. Таким образом, встреча с бытием является своеобразной «дантовой координатой», преобразующей существо человека, возвращающей душу к «поэтической» основе ее природы.

«Человек пастух бытия» и «человек стоит в просвете бытия» – такими поэтико-метафизическими формулировками Хайдеггер обозначает подлинную экзистенцию (*ex-sistentia*), выход за пределы повседневного существования, «экстатическое стояние в истине бытия» [8, с. 201]. Метафора «пастуха» еще удачна по той причине, что раскрывает коннотацию «призванности»: «Человек не господин сущего. Человек пастух бытия. В этом „меньше“ человек ни с чем не расстается, он только приобретает, прикасаясь к истине бытия. Он приобретает необходимую бедность пастуха, чье достоинство покоится на том, что он самим бытием призван к сбережению его истины» [8, с. 207]. Априорные способности понимать и слышать (слышит, поскольку способен понять) «зов» бытия вводят человека в пространство языка. В то же время язык

создает пространство человеческой жизни, укореняет человека в бытии, с помощью языка человек обретает свою самость. Человек выполняет свою миссию пастуха тем успешнее, чем более он способен находиться в состоянии заботы о бытии: «...человек есть в той мере, в какой он эк-зистировует» [8, с. 207]. Эта мысль становится итогом хайдеггеровской философии.

Эк-зистенция человека, как и путешествие Данте, метафизически повторяет путь от темноты к свету. Свет, к которому стремится человек, – священная алетейя – как прекрасная Беатриче, является мечтой странствующего по кругам повседневности. Его проводниками к заветной цели становятся мышление и язык, его демоны обитают в автоматизме повседневности. Проект Хайдеггера оптимистичен: и даже неприметные борозды мысли, которые человек, подобно пахущему крестьянину, прокладывает в поле экзистенции, позволяют сохранять «просвет» бытия открытым.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Данте Алигьери*. Божественная комедия / пер. О. Чюминой. М. : Эксмо, 2009.
2. *Козлова М.* Метафизика метафоры и загадка поэтического слова (концепция поэтического языка в философии Мартина Хайдеггера) // *Horizon. Феноменологические исследования*. 2014. Т. 3. № 1. С. 9–23.
3. *Конев В.* Дантовы координаты как координаты культурного пространства // *Топос*. 2011. № 1. С. 91–106.
4. *Орлов Д. У.* Язык и смысл в философии Мартина Хайдеггера // *Метафизические исследования : Язык*. Вып. 11. СПб. : Алетейя, 1999. С. 72–85.
5. *Сартр Ж.-П.* За закрытыми дверями // Сартр Ж.-П. Грязными руками : пьесы. Харьков : Фолио ; М. : АСТ, 1999. С. 75–112.
6. *Флоренский П. А.* Мнимости в геометрии. М. : Лазурь, 1991.
7. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. М. : Академический проект, 2015.
8. *Хайдеггер М.* Время и бытие : статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Библихина. М. : Республика, 1993.
9. *Хайдеггер М.* О поэтах и поэзии. Гёльдерлин. Рильке. Трагль / пер. с нем. Н. Ф. Болдырева. М. : Водолей, 2017.